

После премьеры дораму «Шпилька в Волосах» затаскали по горячим темам в соцсетях. Поначалу пользователи плевались ядом и честили сериал на чем свет стоит, но стоило выйти еще несколькими сериями, как ветер переменился.

«Твою ж дивизию, а ведь затягивает!»

«Ну и нищий же продакшен, спецэффекты за три копейки, но... боже, как они играют!..»

«Личики вроде обычные, но чем дальше, тем больше залипаешь».

«Выкатывайте новые серии быстрее! Хочу еще этого безумия! А Гэн Яньмин чертовски хорош, я прям...»

У Цзян Шияня было золотое чутье: если он брался кого-то продвигать, провал исключался. Взять хотя бы Фан Сюэцзя — девица сейчас гремела на всю страну. Фан Янь тоже не отставал: как только закончатся съемки в том самом проекте, где он умыкнул роль у Линь Чжоу, его будущее окажется обеспечено, даже если парень и не дотянет до актеров первой величины.

Судя по тому, как разворачивались события, Гэн Яньмину тоже светила если не бешеная популярность, то весьма солидный успех.

Что касается самого Линь Чжоу, то его персонаж — второй главный герой — в первых эпизодах не появлялся вовсе.

Несмотря на благообразное название, «Шпилька в Волосах» оказалась напрочь лишена серьезности. Это была чистой воды комедия абсурда в исторических декорациях.

По первоначальной задумке, изложенной в веб-роман-первоисточнике, второй план получился настолько ярким, что сценаристы забили тревогу: он напрочь затмевал главного героя. Пришлось характер персонажа слегка переписать.

В оригинале этот тип выступал главным злодеем и одновременно — ходячим недоразумением. Из его уст не вылетало ни единого нормального слова, сплошная нелепица. Самое забавное, что в отличие от канонов жанра к героине он не питал нежных чувств. Ему просто безумно нравилось смотреть, как она позорится. Словом, шут гороховый чистой воды.

Однако сценаристы, верные избитым штампам современного телевидения, превратили его в одержимого психопата, который творил бесчинства исключительно ради внимания главной героини.

Цю Цянь набрал Линь Чжоу и переслал ему промо-фото в образе. Он напомнил, что сегодня вечером его персонаж наконец-то дебютирует на экранах, так что нужно заглянуть в Вэйбо и сделать репост для пиара.

Линь Чжоу согласился, а потом поинтересовался:

— К слову, у нас там никакой работы в ближайшее время не намечается? Никаких съемок или шоу?

Цю Цянь на том конце провода едва не поперхнулся:

— Брат Чжоу, ты там часом не бредишь? Температура мозг расплавила?

Линь Чжоу потрогал лоб — горячеватый, конечно, но рассудок пока при нем.

— Брат Чжоу, это же буквально первый раз в твоей жизни, когда ты сам просишь дать тебе работу!

Вообще-то Линь Чжоу по жизни плыл по течению. Хоть он и ворчал постоянно, что пашет ради денег, лишь бы не возвращаться домой свиней разводить, амбициями парень не страдал. Всему предпочитал покой и волю случая. Будь он поинициативнее, то при его-то взрывном характере давно бы на кулаках объяснил руководству «Хуашан», что красть его контракты — плохая затея.

А тут вдруг сам просит нагрузить его работой. Разве не бред?

— Обстоятельства прижали, — со вздохом отозвался Линь Чжоу.

За последние дни в его голове пронеслась уйма мыслей, оставив после себя глухую тревогу. Судя по рассказам родителей, инициатором теста ДНК выступила та, другая семья. С чего бы им вдруг делать экспертизу, если у их приемыша все было хорошо?

От этих раздумий у Линь Чжоу кошки скребли на душе. словно он обокрал какого-то бедолагу, забрав предназначенное тому счастье.

А если его настоящие родители едва сводят концы с концами? Тогда весь груз забот о них ляжет на его плечи. Брать деньги у вырастивших его Линей после такого открытия совесть не позволит. Значит, надо впахивать самому.

— Ну... — Цю Цянь замялся, подбирая слова. — На самом деле сейчас глухо. Брат Чжоу, ты бы лучше сперва отлежался да подлечился.

— Ты же говорил, намечается какое-то открытие магазина, ленточку перерезать?

Пусть заплатят всего пару тысяч юаней, но копейка рубль бережет.

Линь Чжоу откашлялся и закинул в рот ломтик груши, которую для него заботливо нарезала Чжоу Цин.

— Эм-м... — Цю Цянь замолчал, явно не зная, как деликатнее преподнести новость.

Голова у Линь Чжоу из-за простуды соображала туго, но дураком он не был. Догадаться не составило труда: после того как он разукрасил лицо Цзян Шияню, дураков связываться с ним не осталось.

И пусть генеральный директор Цзян выпустил официальное опровержение, сам Линь Чжоу хранил молчание. Рекламодатели и продюсеры заняли выжидательную позицию — никому не хотелось наступить на мину и навлечь на себя гнев влиятельного босса.

На Линь Чжоу накатила глухая тоска. Он вспомнил, как два года назад, перед тем как они разругались в пух и прах, в самый канун своего дня рождения торчал на крыше с бутылкой спиртного и пьяно орал в ночное небо: «Цзян Шиянь, иметь такого бро, как ты — величайшая удача в моей жизни!»

Что ж, теперь он сполна оценил эту «удачу». Мать ее за ногу.

Линь Чжоу скривился от стыда за собственные юношеские бредни и пафосный бред.

«Тьфу, подонок ты, Цзян Шиянь».

Аппетит пропал. Линь Чжоу отставил тарелку с грушей, распрощался с агентом и набрал Цю Чжи.

— Алло, брат Чжи, песни нужны? Ты только скажи, я соображу.

На том конце повисло озадаченное молчание.

— Чего? — наконец отозвался Цю Чжи. — Ты там не только голос сорвал, но и остатки ума растерял?

— Иди ты к лешему. Я серьезно спрашиваю: песня нужна?

— Ты? Линь Чжоу? Великий господин Чжоу снизошел до того, чтобы самому накатать мне

трек? — Цю Чжи издевательски хмыкнул. — Хорош заливать, не верю.

И отключился.

Линь Чжоу тупо уставился на погасший экран.

Неужели он в глазах коллег настолько ленивый и бесполезный тюлень?

Звонок от директора Чэня раздался ближе к вечеру. В этот момент Линь Ишань и Чжоу Цин как раз устроились у экрана вместе с сыном — на экранах впервые появлялся Сун Юнь, персонаж Линь Чжоу.

Одеяния ослепительно белого цвета развевались на ветру, образ дышал неземным благородством. Гордо вскинув голову, герой с пафосом декламировал:

— Подернут инеем озерный гладкий край, в тоске по юности за прядью никнет прядь... Лишь об одном молю, на лунный глядя рай: уж лучше парой жить, чем в небесах...

Тут нога его предательски поехала на мокрой траве, и благородный муж ласточкой полетел напрямик в грязную лужу, приземлившись туда лицом.

Линь Ишань, собиравшийся сделать глоток воды, сдавленно хрюкнул и выдал фонтан.

Линь Чжоу одарил отца ледяным взглядом, а Чжоу Цин отвесила мужу легкий подзатыльник:

— Перестань! Мой сын сыграл просто превосходно!

На экране Линь Чжоу не спеша поднялся, изящным движением длинных пальцев стер с лица грязь, с царственным видом отряхнул подол и ласково улыбнулся:

— Твою ж прабабушку через коромысло...

Линь Ишань снова зашелся бы в хохоте, если бы в этот момент у него в кармане не зазвонил телефон. На связи был директор Чэнь. По мере того как мужчина слушал собеседника, улыбка сползала с его лица. И какие бы безумства дальше ни творил на экране персонаж его сына, Линь Ишаню стало совсем не до смеха.

Директор Чэнь сообщил, что пришли окончательные результаты экспертизы. Документы подтвердили страшное: Линь Чжоу не имел с ними никакой кровной связи. Его ДНК полностью совпала с профилем другой пары. Тот ребенок, их настоящий сын, оказался плоть от плоти Линей. Двадцать семь лет назад в роддоме действительно произошла роковая ошибка.

Линь Ишань молча опустил трубку. Ни Линь Чжоу, ни Чжоу Цин ни о чем не спросили — в глубине души они уже давно знали ответ, пусть и отчаянно цеплялись за надежду.

Линь Чжоу придвинулся ближе и приобнял отца за плечи, пытаясь разрядить обстановку:

— Лао Линь, ну хочешь, я перед тобой чечетку станцую, только улыбнись?

Отец сердито зыркнул на него:

— Отстань...

Линь Чжоу рассмеялся и звонко чмокнул его в щеку:

— О, узнаю моего старого доброго Лао Линя!

Тот с напускным отвращением вытер щеку рукавом:

— Отойди, ты же простужен. Только заразу тут разносишь.

Напряжение в комнате немного спало. Линь Ишань негромко добавил:

— Директор Чэнь предлагает устроить встречу обеих семей завтра.

Линь Чжоу уже открыл рот, чтобы беспечно согласиться, как вдруг Чжоу Цин резко поднялась с дивана:

— Я устала. Пойду прилягу.

Она ушла стремительно — мгновение, и дверь спальни тихо закрылась за ней. В гостиной воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь бодрым голосом из телевизора, где Сун Юнь, размахивая бумажным веером и высоко подобрав подол халата, мчался за главной героиней с криком: «А ну обернись! Дай оценю, кто из нас двоих милее!»

Линь Чжоу отправился на кухню и подогрел два стакана молока. Один он всучил отцу — тот вообще-то терпеть его не мог, но под суровым напором сына ворча сдался и осушил стакан до дна.

Второй стакан Линь Чжоу отнес в спальню матери. Чжоу Цин лежала на боку, отвернувшись к стене. В темноте комнаты отчетливо слышались тихие, с трудом сдерживаемые всхлипы.

Поставив стакан на тумбочку, Линь Чжоу осторожно наклонился, поцеловал ее в висок и прошептал:

— Спокойной ночи, мам.

Этой ночью уснуть не удалось никому. Двадцать семь лет Линь Чжоу жил припеваючи, окруженный безграничной родительской любовью. И вдруг привычный мир рушится, а впереди — лишь зыбкая неизвестность. Даже его непрошибаемый оптимизм дал трещину. Перед лицом стремительно надвигающихся перемен он чувствовал себя потерянным, а в голове гудело от пустоты.

В три часа ночи, поняв, что сон не придет, Линь Чжоу нащупал на тумбочке телефон и зашел в Вэйбо. К его изумлению, в топ-50 горячих тем красовался тег «Безумный Линь Чжоу». Он болтался где-то в районе сорокового места, но это был самый настоящий тренд.

Вряд ли его кто-то проплатил — иначе позиция была бы повыше, да и некому тратить на него деньги, если только хейтеры не решили устроить очередную травлю.

Линь Чжоу ткнул на тег.

«Мама дорогая, что это за клоун на втором плане? Ржу не могу, он реально меряется красотой с девчонкой!»

Ниже висела нарезка кадров из «Шпильки в Волосах».

«Ха-ха-ха, ору в голосину!»

«Сун Юнь чертовски хорош собой, краше героини в сто раз!»

«Впервые вижу, чтобы второй лишний не сох по главной героине, а соревновался с ней за звание первой красавицы».

«Юнь-Юнь, только не влюбляйся в эту глупышку! Ты у нас само совершенство, сияй в одиночку!»

«Чжоучжоу, вперед! Сун Юнь, бросай этих двоих и дебютируй соло!»

«Наше сокровище Чжоучжоу, "Весла" всегда с тобой!»

Линь Чжоу читал и недоумевал.

Что-то тут не так. Разве его герой по сценарию не должен был влюбиться в героиню с первого взгляда? С какого перепугу они соперничают в привлекательности?

Лента пестрела гифками. Особенно популярным оказался тот самый полет лицом в грязь — его гоняли на быстрой скорости, на замедленной, по кругу...

Похоже, образ дурачка ушел в народ, и Линь Чжоу гарантированно обеспечил себе славу главного мема недели.

Пролистав еще немного, он заблокировал экран. Радости не было. Скажи ему сейчас, что он проснулся знаменитостью первого эшелона, ему было бы плевать.

Мысли о подмене детей вновь тяжелым грузом легли на грудь. Линь Чжоу покрутился с боку на бок, вздохнул и опять потянулся за телефоном. Открыл список контактов, бездумно полистал его вверх и вниз, пока палец не замер на имени «Подонок».

Он гипнотизировал экран минут пятнадцать.

В конце концов он наотмашь влепил себе несильную пощечину и выругался шепотом:

«Линь Чжоу, тебя жизнь ничему не учит? Совсем мозги растерял?»

Тоже мне, выискался герой слезливой мелодрамы.

Он потер горящую щеку, тяжело вздохнул, уронил бессильные руки и, прижав мобильник к груди, зажмурился, заставляя себя наконец заснуть.

То ли из-за жара, то ли от крайнего истощения, но сознание быстро уплыло в темноту. Ему приснились школьные годы. Вот он тайком мажет стул Линь Ишаня суперклеем. Отец с размаху садится, а когда пытается встать — легкие летние шорты остаются приклеенными к сиденью, являя миру его ярко-красные семейные трусы.

То ли из-за жара, то ли от крайнего истощения, но сознание быстро уплыло в темноту. Ему приснились школьные годы. Вот он тайком мажет стул Линь Ишаня суперклеем. Отец с размаху садится, а когда пытается встать — легкие летние шорты остаются приклеенными к сиденью, являя миру его ярко-красные семейные трусы.

Линь Ишань с разъяренным ревом несется за ним, размахивая домашним тапком. Линь Чжоу улептывает во все лопатки, спотыкается и летит напрямик в любимый кактус Чжоу Цин. Ладони мгновенно превращаются в подушечки для иголок.

И вот они застывают посреди комнаты — Линь Чжоу с растопыренными, утыканными

колючками руками и его отец в красных труселях. Картина маслом.

На следующий день Линь Чжоу в красках расписывал эту сцену Цзян Шияню. Тот лениво отправлял ему в рот ложку за ложкой и между делом уточнил:

— А у вас с отцом трусы были в одном стиле? Парная коллекция?

— Бля... — Линь Чжоу вспыхнул до корней волос от злости. — С чего ты взял, что у меня тоже были красные?

Цзян Шиянь окинул его скептическим взглядом:

— Мы с тобой каждый день вместе в туалет ходим. Думаешь, я слепой?

— Да пошел ты...

Цзян Шиянь ловко заткнул ему рот очередной ложкой каши и великодушно предложил:

— Ладно тебе. Хочешь, я тебе свои покажу?

— Хрен тебе, мне вообще не интересно!

— Ну надо же соблюдать взаимность. Вежливость прежде всего.

— Отвали...

Линь Чжоу помнил, что те злополучные трусы Чжоу Цин сшила сама из какого-то отреза красного шелка. Сперва скроила мужу, а из остатков, чтобы добро не пропадало, соорудила обновку сыну.

Так что доля правды в словах Шияня была. Самый настоящий семейный комплект...

Ночная тишина в три часа утра давила на плечи, рождая в душе смутную тревогу.

Цзян Шиянь закрыл ноутбук и устало потер переносицу. Взгляд его скользнул к лежащему на краю стола плотному конверту из крафтовой бумаги. Глаза мужчины потемнели. Он долго сидел неподвижно, погруженный в свои мысли, прежде чем подняться и уйти в ванную.

Когда он вернулся в комнату, на тумбочке вибрировал телефон. Нахмурившись, Цзян Шиянь взял его в руку.

На экране светилось: «Самый крутой Старший брат Чжоу».

Дыхание перехватило. Цзян Шиянь ответил на вызов почти неосознанно, быстрым движением прижимая трубку к уху:

— Линь Чжоу?

За те два года, что они не общались, Линь Чжоу ни разу не звонил ему первым. К тому же при последней встрече тот ясно дал понять, что видеть его не желает. Если уж он набрал этот номер среди ночи, значит, стряслось что-то действительно серьезное.

В трубке царило молчание. В глазах Цзян Шияня вспыхнула тревога. Он рванулся к выходу, даже не думая набрасывать куртку.

Однако тихий шорох, донесшийся из динамика, заставил его замереть у самого порога. Он затаил дыхание и вплотную прижал трубку к уху, вслушиваясь.

До него донеслось мерное сопение, переходящее в легкое, едва различимое похрапывание. Когда Линь Чжоу выматывался до предела, он всегда спал именно так — тихонько посапывая, точно сонный котенок.

— Линь Чжоу... — позвал он негромким, мягким шепотом.

— Сяо Янь, я тут тебе труселя в цветочек подогнал... — пробормотал спящий на том конце провода. Слышно было, как он завожился, устраиваясь поудобнее, телефон глухо шурхнул по простыне и затих, ловя лишь глубокое, ровное дыхание.

Цзян Шиянь шумно выдохнул, чувствуя, как отступает паника. Только сейчас он заметил, что его бьет мелкая дрожь, а спина взмокла от холодного пота.

Вернувшись к столу, он осторожно опустил мобильный на полированную поверхность и включил громкую связь. Комнату мгновенно заполнил до боли знакомый звук размеренного сонного дыхания.

На дисплее продолжало светиться имя контакта: «Самый крутой Старший брат Чжоу».

Они были ровесниками, но Линь Чжоу умудрился родиться ровно на один день раньше. Этим фактом он безумно гордился и при каждом удобном случае кичился своим «старшинством». Линь Чжоу обожал строить из себя заботливого хена и самодовольно ухмыляться, и даже этот

дурацкий ник в телефоне Шияня в свое время вбил собственноручно.

Цзян Шиянь выдвинул ящик стола, достал пачку сигарет и привычным движением зажал одну губами. Металлическая зажигалка послушно закрутилась между пальцами, но высекать искру он не спешил.

Линь Чжоу терпеть не мог запах табачного дыма. Сам Цзян Шиянь заядлым курильщиком не был — так, баловался парой сигарет в день, чтобы снять напряжение.

Но при друге он никогда не притрагивался к табаку. Стоило Линь Чжоу заметить сигарету, как он тут же кривил физиономию, а то и вовсе бесцеремонно лез прямо в лицо, ворча:

— Давай, дыми сильнее, трави меня своим пассивным курением! Кури-кури, пусть мы оба тут загнемся!

С тех пор Цзян Шияню приходилось прятаться. Перед встречами он тщательно избавлялся от малейшего намека на запах — у Линь Чжоу нюх был как у ищейки.

Курил ли сам Чжоу?

Изредка. Зависимости у него не было, так, баловство от нечего делать.

Зато, когда ему самому приспичивало затянуться, он непременно вешался Шияню на плечо и с хитрой ухмылкой выдыхал:

— Ну что, зажжем?

Классический пример его излюбленного принципа: к другим со всей строгостью, к себе — с пониманием.

Иногда, поймав кураж, он даже пускал аккуратные кольца дыма прямо Шияню в лицо.

Цзян Шиянь прикрыл глаза, пальцы сильнее сжали холодный металл зажигалки. Перед мысленным взором с пугающей отчетливостью встал образ: тающий сизый дым и проступающие сквозь него черты лица — настолько безупречные, что в груди перехватывало дыхание.

Словно острая сталь полоснула по коже. Боль отрезвляла.

Пожалуй, только эта фантомная боль и была способна заглушить пожирающее его изнутри желание.

<http://bllate.org/book/18995/1906021>